

МЕТАТЕКСТ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА*

В.В. Видеркер

Новосибирский государственный
педагогический университет

widerker@ngs.ru

В статье исследуется проблема метатекста в культуре русского символизма. Автор на основе анализа эстетических принципов символизма реконструирует типологическую модель символистского метатекста, его идейные источники и интертекстуальные связи с разножанровыми культурными текстами рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: метатекст, культура русского символизма, диалектика Г.В.Ф. Гегеля, эстетика символизма.

Одним из наиболее востребованных научных подходов современной культурологии является синергетический подход, рассматривающий культуру как самоорганизующуюся систему. В перспективе данного подхода исследуемые объекты предстают как сложные открытые нелинейные системы, самоорганизация которых суть процесс движения от хаоса (т. е. неустойчивости), где доминируют принципы флуктуации, к порядку (т. е. устойчивости), где доминируют принципы детерминизма. В процессе структурной самоорганизации культуры, который пронизывает все культурные слои, можно выделить в качестве его высшего звена деятельность по самоописанию структуры. Каждая культура имеет модель самоописания, т. е. осмысления себя как особенного феномена, отличного от внешнего окружения. В контексте семиотико-типологических исследований данная модель самоописания получила название «метатекст». Примерами метатекстов в истории России являются такие идеологические конструкции, как «просветленный абсолютизм» эпохи Екатерины II

или «страна развитого социализма» периода СССР.

Исследование феномена метатекста необходимо предполагает введение в данную статью базовых семиотических понятий. В семиотике принципиальное значение имеет разграничение понятий «культурный язык» и «культурный текст», где язык – это любая упорядоченная система знаков, а текст – это сообщение, построенное по правилам определенного языка. Все социокультурные феномены суть культурные тексты, ибо организованы по определенным правилам, которые сообщают им (текстам) смысл. Культура гетерогенна и может развиваться только при условии существования целого спектра разно устроенных языков, генерирующих тексты. Если на уровне реального существования культура поддерживает гетерогенность, то на абстрактном уровне она стремится стать гомогенной. Метатекст, т. е. текст о текстах, организует разножанровые культурные тексты в единое непротиворечивое целое, иначе говоря, создает автопортрет культуры. Суть данной

* Статья подготовлена при поддержке «Программы стратегического развития НГПУ 2012–2016 гг.»

практики в том, что метатекст закрепляет за группой родственных доминирующих культурных языков исключительное право на существование и распространяет их правила генерирования текстов на все семиотическое пространство культуры. В итоге данное теоретическое обобщение начинает восприниматься как реально существующее положение вещей, а противоречащие данной конструкции культурные языки и тексты теряют право на существование и, сохраняясь в практической сфере на периферии культуры, в ментальной сфере объявляются несуществующими. Примером может служить СССР, где после развала страны развитого социализма многие граждане с удивлением узнали о существовании в ней культурных текстов, принципиально не совместимых с ее метатекстом, таких как существование прислуги у партийной элиты, особый правовой режим для членов номенклатуры и т. д.

Метатекст, унифицирующий семиотическое пространство, ориентирован на поддержание ментального единства культуры, ибо излишняя семиотическая гетерогенность грозит центробежными тенденциями и потерей культурной идентичности. Стоит отметить, что картина мира, моделируемая метатекстом, имеет устойчивую тенденцию восприниматься современниками и потомками как реальность. Данная проблема актуальна для культурологии. Исследователи культуры, изучая разные культурные традиции, должны иметь четкое представление о природе и функциях метатекстов и не отождествлять их с реальной действительностью. В данной работе исследуется метатекст русского символизма – художественно-эстетического направления в отечественной культуре рубежа XIX–XX вв.

Символизм как идеалистическое направление признает наличие двух миров, небесного (сакрального, горнего) и земного (профанного, дольного), образующих иерархическую структуру, верхний уровень которой занимает небесный мир, а нижний – земной мир, являющийся несовершенным отблеском небесного. Следует отметить, что доминирование дуального принципа в моделировании картины мира приводит к актуализации в той или иной степени проблемы культурного языка. Связано это с тем, что человек имеет тенденцию фиксировать те социокультурные феномены, относительно которых он способен зафиксировать начало и конец, т. е. рамку текста. Частный пример подобного рода приводит Ю.М. Лотман, рассуждая о «различии в принципах описания события современником, погруженным в данную культуру, и иностранцем. То, что для первого – естественный ход вещей, для второго – эксцесс. Не случайно иностранец описывает утвержденный порядок (обычай и нравы), а местный наблюдатель – эксцессы»¹. Тем самым наличие в рамках какой-либо картины мира двух миров (отношения между которыми могут иметь различный характер), не тождественных друг другу, требующих разных норм поведения, приводит к осознанию существования двух разных культурных языков, кодирующих данные нормы поведения. Можно привести множество примеров подобного рода. Так, к культурным универсалиям относится членение времени суток на дневное и ночное и кодификация определенных норм поведения для каждого из этих миров, соответственно как невозможно «дневное» поведе-

¹ Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство–СПб, 2002. – С. 67–68.

ние в ночное время суток, так и наоборот. В традиционной отечественной культуре в качестве примера узаконенного антиповедения, т. е. альтернативного поведения, характерного для второго мира, можно привести нормы поведения во время святок.

Символизм, ставший реакцией на кризис реализма и позитивизма, для которых характерны единые нормы поведения для всего универсума и, соответственно, один культурный язык, столкнулся с проблемой невозможности выразить символистский дуализм реалистическими средствами. Крупный теоретик символизма В.И. Иванов в своей программной статье «Заветы символизма» причиной возникновения символизма считал «болезненно пережитое современною душой противоречие потребности и невозможности “высказать себя”», ибо «слово перестало быть равносильным содержанию внутреннего опыта»². Признание наличия двух миров логически привело к постулированию необходимости существования двух языков, описывающих данные миры. Например, В.И. Иванов, моделируя картину мира, в ее основу кладет принцип антиномии, организуя разные мировые сферы посредством бинарных оппозиций, противоположные элементы которых входят составными частями в два мира, причем все бинарные оппозиции инкорпорируются в центральную оппозицию «божественное / человеческое». Среди оппозиций Иванов называет «день / ночь», «внешний / внутренний», «чувственные проявления / сверхчувственные откровения», «Аполлон / Дионис», «феноменальное / ноуменальное» и т. д. Так как бинарные оппозиции взаимно включены друг в друга и манифестация одной оппо-

зиции актуализирует и все остальные, это приводит к тому, что элементы оппозиций образуют парадигматические ряды: первый (в нашем случае – день, внешний, чувственные проявления, Аполлон, феноменальное) и второй (ночь, внутренний, сверхчувственные откровения, Дионис, ноуменальное). Данная структура картины мира естественно предполагает символ как средство выразить парадигматические ряды.

Двум мирам необходимы два языка. В эстетике символизма «земной», «человеческий» мир описывается реалистическим языком, оперирующим ясными логическими словами-понятиями, целью которого является сообщение информации. Этот язык наследован от предшествующего реализма и необходим для выражения эмпирического опыта. Для описания «небесного», «божественного» мира необходим другой язык, отсутствовавший в реализме, оперирующий многозначными словами-символами, целью которого является приобщение к тайнам мира. Этот язык (символисты относили его возникновение к мифопоэтическому периоду, рассматривая символизм как восстановление древней традиции) был необходим для выражения интуитивного, мистического опыта.

В эстетике символизма два мира мыслились как существующие не изолированно друг от друга, а как связанные, говоря современным языком в форме бинарной оппозиции. В.И. Иванов писал: «Но не конечною рознью разделены оба мира: она дана только в земном, личном, несовершенном сознании»³. Декларируемая связь двух миров неизбежно привела русских символистов к осознанию необходимости связанности двух языков, описывающих данные миры. Так как в символистской картине

² Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи. – М.: Астрель, 2007. – С. 365.

³ Там же. – С. 367.

мира небесный и земной миры иерархически объединены в единый мир, то и два языка, логический и мифологический (поскольку он возник в мифопоэтический период), объединены в единый символистский язык.

Данная структура привела к двойственному пониманию символистского языка. С одной стороны, он рассматривался как восстановление старой традиции и воспринимался как противоположный реалистическому языку. Д.С. Мережковский, рассуждая о французском символизме, писал: «Непростительная ошибка думать, что художественный идеализм — какое-то вчерашнее изобретение парижской моды. Это возвращение к древнему, вечному, никогда не умиравшему»⁴. С другой стороны, символистский язык рассматривался как синтез логического и мифопоэтического языка и на этом основании одинаково противостоял им обоим как не описывающим весь универсум. Андрей Белый утверждал: «Мы невольно представляли себя и других всецело позитивистами, романтиками, мистиками; мы не хотели признаться, что мы то и другое — одновременно»⁵. Взаимодействие этих двух противоположных тенденций и образовало картину мира русского символизма, причем на первом этапе (1890-е гг.) доминировала идея оппозиционности, сохранявшая тесную связь с картиной мира романтизма, ибо символизм возник на романтической платформе, а на втором этапе (1900-е гг.) доминировала идея синтеза, генетически восходящая к синтетическим теориям XIX в., таким как диалектика

⁴ Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Эстетика и критика. В 2 т. — Т. 1. — М.: Искусство; Харьков: Фолио, 1994. — С. 172.

⁵ Белый А. Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994. — С. 225.

Г.В.Ф. Гегеля, идея всеединства Вл. Соловьева, теория Р. Вагнера.

Следует отметить, что данная проблема давно привлекла внимание исследователей. З.Г. Минц писала: «Символистская “картина мира” всегда формируется двумя противонаправленными тенденциями. Одна состоит в установлении системы антитез, организующих мир пространственно, ценностно и т. д., другая — в сближении противоположностей, в утверждении универсального изоморфизма всех явлений жизни»⁶. Достаточно привести знаменитое высказывание А.А. Блока: «Мир полон соответствий», в оригинале звучащее как «Ты свободен в этом волшебном и полном соответствий мире»⁷. Поэтика соответствий привела к сближению и отождествлению, во-первых, разных текстов, а во-вторых, художественных текстов и жизненных явлений.

Русский символизм, и это осознавалось символистами, находился под сильным влиянием диалектики Г.В.Ф. Гегеля, согласно которой развитие проходит три стадии — тезис, антитезис и синтез. Применением диалектического метода Гегеля дешифруется широкий спектр разножанровых символистских текстов — литературных произведений (трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»), критических статей («Заветы символизма» В.И. Иванова, «О современном состоянии русского символизма» А.А. Блока) и т. д., смысл которых в противном случае остается не проясненным. Факт воздействия диалектики Гегеля на русский символизм вводит данный социокультурный феномен в широкий круг разножанровых явле-

⁶ Минц З.Г. Поэтика русского символизма. — СПб.: Искусство-СПБ, 2004. — С. 97.

⁷ Блок А.А. О современном состоянии русского символизма // Собрание сочинений. В 8 т. — Т. 5. — М., Л.: ГИХЛ, 1962. — С. 426.

ний европейской культуры XIX – начала XX в., ибо гегелевская система оказывала сильное влияние на общественную мысль того времени. Тем самым символизм, противопоставлявший себя современным ему социокультурным феноменам, обнаруживает генетические связи с ними на уровне отдельных кодов.

Диалектика Гегеля стала структурообразующим принципом символистского метатекста. Развернутую метатекстовую характеристику русского символизма представил В.И. Иванов в своей статье «Заветы символизма». По версии Иванова, история культурного языка распадается на три этапа: первый – сакральный «язык богов», выражающий мировые соответствия; второй – «логический язык» об эмпирических вещах; третий – синтез двух предшествующих этапов. В этой конструкции роль символизма заключается, во-первых, в том, что «символизм в новой поэзии кажется первым и смутным воспоминанием о священном языке жрецов и волхвов [языке богов – В.В.]»⁸, и, во-вторых, в том, что «символизм кажется упреждением той гипотетически мыслимой, собственно религиозной эпохи языка, когда он будет обнимать две отдельные речи [сакральную и логическую – В.В.]»⁹. Очевидно, что структура метатекста обусловлена гегелевской триадой, которую Иванов приложил к процессу развития культуры (теза – язык богов, антитеза – логический язык, синтез – символизм). Вместе с тем доминирование в текстах символизма континуального начала, когда все тексты имеют тенденцию рассматриваться как варианты Единого Текста, привело к тому, что символизм как социокультурный феномен, в свою очередь, представлял

в виде триады, когда теза, антитеза и синтез выступали как фазы его развития.

Для исследователя-культуролога большое значение имеет проблема реконструкции культурного механизма, продуцировавшего данный метатекст. По нашему мнению, метатекст есть результат столкновения разных идей, связанных между собой. Во-первых, В.И. Иванов воспринимал диалектический метод Гегеля не как идеальный тип, а как безусловную реальность. Во-вторых, восприятие современности у него было окрашено в эсхатологические тона, он субъективно предчувствовал преобразование всех форм жизни, что в целом было характерно для отечественной мысли рубежа XIX–XX вв. Наложение двух этих идей привело к концепции символизма как начала этапа синтеза. Локализация во времени и пространстве одного диалектического элемента автоматически привела к реконструкции всей триадической структуры.

Непосредственные причины подобного рода операции коренятся в глубинных механизмах отечественной культуры. Так, обширная эрудиция В.И. Иванова и, шире, деятелей русского символизма, делала транспарентной генетическую связь символизма с идеалистическими течениями прошлого (мифопоэтическим периодом, романтизмом и т. д.). Вместе с тем отчетливо фиксировалась оппозиционность символизма реалистической тенденции, которая доминировала в России в 40–80-х гг. XIX в. и предшествовала по времени символизму.

Современная теория культуры дает нам ответы на данные проблемы. Анализ отечественной культуры выявляет дуальную природу ее структуры, следствием чего является ситуация, когда каждый новый ее этап утверждается как радикальное отрицание, «выворачивание наизнанку» предшеству-

⁸ Иванов В.И. Указ. соч. – С. 369.

⁹ Там же. – С. 370.

ющего этапа. В частности, в искусстве романтизм утвердился как оппозиция классицизму, реализм – как оппозиция романтизму, символизм – как оппозиция реализму и т. д. Последовательно осуществляемое отрицание приводит к определенному сходству между стилями, располагающимися через один в общей линии эволюции искусства. Так, общие черты можно обнаружить, с одной стороны, в барокко, романтизме, символизме и т. д., а с другой – в ренессансе, классицизме и т. д. Специально занимавшийся данной проблемой отечественной культуры Ю.М. Лотман писал: «Возможность поступательного развития при таком последовательном и циклически повторяющемся “отрицании отрицания” определяется тем, что на каждом новом этапе, вследствие меняющейся исторической обстановки и, в частности, внешних культурных влияний, приобретает новая перспектива культурного развития, актуализирующая тот или иной семантический параметр»¹⁰. Теория искусства исследует символизм как неоромантическое направление, ставшее реакцией на реалистическую тенденцию.

Кризис отечественной культуры рубежа XIX–XX вв. специфически преломился в сознании символистов, проповедующих грядущее преображение жизни и человека, которое они понимали как религиозное преображение души. Поскольку символизм антитетически противостоял реализму как настоящему и в то же время обнаруживал известное сходство с мифопоэтическим искусством прошлого, это

привело к мысли, что символизм, являясь восстановлением искусства прошлого (тезы) и противостоя искусству настоящего (антитезы), указывает на чаемый в будущем синтез двух этих элементов, который должен осуществиться в контексте символизма. Субъективное осознание этой идеи как истины привело В.И. Иванова к разворачиванию системы триады из настоящего в прошлое (моделирование «языка богов») и будущее (моделирование «заветов символизма»). Тем самым как прошлое, так и будущее культурного языка, представленное в метатексте, не имеют ничего общего с реальным культурным процессом, а являются абстрактными построениями теоретической концепции.

Литература

- Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
- Блок А.А. О современном состоянии русского символизма / А.А. Блок // Собрание сочинений. В 8 т. – Т. 5. – М., Л.: ГИХЛ, 1962. – С. 425–436.
- Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи / В.И. Иванов; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – 1137 с.
- Лотман Ю.М. История и типология русской культуры / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПБ, 2002. – 768 с.
- Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Эстетика и критика. В 2 т. – Т. 1. – М.: Искусство; Харьков: Фолио, 1994. – С. 137–225.
- Минц З.Г. Поэтика русского символизма / З.Г. Минц. – СПб.: Искусство–СПБ, 2004. – 480 с.

¹⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С. 90.